

Линар
Ильясов

Всадник

Линар Ильясов

Всадник

«Издательские решения»

Ильясов Л.

Всадник / Л. Ильясов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743413-7

Повесть, рассказывающая о временах 10—15-тысячелетней давности. Исчезающий народ, вытесняемый из родных лесов многочисленными врагами, вынужден искать убежища в открытой степи. Но человеку не выжить на открытых пространствах — не угнаться за быстроногой дичью и не скрыться от свирепых хищников. И в это ужасное время, когда уже не осталось никакой надежды, происходит событие, изменившее всю дальнейшую историю человечества...

ISBN 978-5-44-743413-7

© Ильясов Л.
© Издательские решения

Содержание

1. Шелест в листве	7
2. Поиск	9
3. Шепчущее озеро	14
4. Волшебный рассвет	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Всадник

Линар Ильясов

© Линар Ильясов, 2018

ISBN 978-5-4474-3413-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Необъятна, безгранична, подобно бесконечному небу, привольная степь. Бежит, ... бежит стремительно по ней дикая лошадь, не знающая пут. Бег её неустойчивый завораживает: взгляд глаз горящих устремлён за горизонт, к звезде сверкающей в неведомой дали, огонь в них – словно молния живая; и ржание её серебряным дождём пронзительно звенит, призывая ветер и гром; и ветер тот, вплетаясь в гриву короткую и хвост развевающийся – тарпана скачущего крылья; и гром тот, с трудом великим не отстающий от топота копыт, содрогающего земли – благословение небес прекраснейшему из созданий.

Предвестник зари, разгоняющий туман – тарпан, взвивающийся на дыбы, – сама суть и душа привольных степей, их истинная краса. Так было...

Люди, слабые ещё на заре своей истории, были беззащитны в открытой степи, полной острозубых и быстроногих врагов; они не смели выходить на её просторы и прятались в густых лесах. Долгое время, очень долгое, тарпан был хозяином Степи. Человек мог лишь смотреть на него издали, из-под сени приграничного леса... с опаской и почтительным восхищением – радуясь, если его хитрость и сообразительность позволяли ему сделать своей добычей одну из ослабевших и медлительных лошадей.

Люди осмеливались иногда выходить в Степь: – то были отряды отважных охотников, когда в плохие годы в приграничных лесах исчезала дичь и их племена испытывали нужду и голод. Бывало и так, что одни народы, пережив несколько благоприятных для них лет, вдруг начинали испытывать потребность в расширении своих территорий; или другие – наоборот, не в силах более претерпевать нужду и бедствия, насылаемые таинственными разгневанными силами, решали перейти на новые места обитания, ожидая лучшей судьбы. И вспыхивали под покровами лесов жестокие кровавые войны, в которых не было пощады никому. Слабые, малочисленные племена гибли в этих войнах, или вынуждены были выходить, пытаясь спастись, в открытую степь, где большинство из них всё-таки погибало. А некоторым удавалось – несомненно, с благоволения доброжелательных духов – пройти открытые пространства и найти новые благоприятные места, на склонах приграничных со Степью гор или в необитаемых доселе зелёных долинах и лесах.

Но ни один из народов не мог освоить бескрайних просторов великой Степи. Многие племена, научившись выращивать злаки, или даже разводить скот прирученный, сумели заселить некоторые из долин степных рек, но хозяевами Степи они не являлись, крепко привязанные способом своего существования к небольшим возделанным полям у самой воды. Степь – это необъятные бескрайние пространства, и медлительному человеку не угнаться в ней за быстрой дичью и не укрыться от быстроногих хищников, а это всегда означало для него гибель.

И, наблюдая за бегом дикой лошади, он мог лишь мечтать – это его божественная благодать, великая надежда и вдохновение, единственное, что так возвысило его над остальными созданиями, – о безудержной скорости и о полёте..., о владычестве над всем пространством, обозримом и необозримом. Но долгое время это была мечта несбыточная...

В тех краях, где деревьев становится всё меньше, от недостатка влаги уступающих постепенно территории сухим степям, подступающим с жаркого юга, жило небольшое племя людей, и само существование их было под угрозой. Лишь половина из них пережила последнюю зиму.

Предки их жили когда-то у Светлой Воды, в краю лесов и зелёных лугов. Духи Светлой Воды и самих небес покровительствовали им тогда. Счастливы был этот народ – народ отважных воинов, пришедший когда-то с востока, с зелёных, крытых лесами, гор и завоевавший, в войне с местными жителями, ту щедрую, благодатную страну Светлой Воды. Во множестве водилась там разнообразная дичь, а сама река и питающие её ручьи были богаты рыбой. На умело обработанных полях, никогда не знавших засухи, вырастали обильные урожаи проса и ржи. Мужчины были охотниками и рыбаками, а также возделывали поля; женщины растили урожай и собирали на склонах зелёных холмов ягоды, а в низинах сочные, питательные корни. Дома их, сложенные из отёсанных брёвен, надёжно укрывали от зимней стужи и буранов. Но было это очень давно – память о тех временах хранилась лишь в старых преданиях. Легенды о древней родине, о стране Светлой Воды, воспринимались уже как сказания о недостижимой сказочной стране, о несбыточной, волшебной мечте о счастливой жизни.

Нашествие лесовиков с севера – не знакомых даже с металлическим оружием, но великим числом – положило начало длительному, длившемуся в течение жизни нескольких поколений, упадку, сопровождавшемуся постепенным оставлением своих территорий и отходом к югу. Нескончаемые теперь войны с бывшими соседями, не желавшими делиться своими угодьями, всё более и более ослабляли народ Светлой Воды, и не мог он нигде закрепиться и назвать какую-либо землю своей. С севера не утихал напор диких лесовиков, на западе возгорелась череда войн, вызванных приходом краснолицых, а на востоке – заселённые сильными многочисленными народами Зелёные горы, куда не было пути.

Народ Светлой Воды таял: женщины, старики и дети гибли от голода, ведь мужчины, вместо охоты за дичью, сами гибли в бесконечных стычках. И слышался по ночам со всех сторон угрожающий шёпот враждебных духов...

Был лишь один путь: туда, где открытых пространств становилось всё больше, а лесов меньше – на юг.

И настал момент, когда оставалось или погибнуть под ударами врагов, или выйти в открытую Степь, о которой были известны лишь страшные сказания, неотличимые от вымысла...

1. Шелест в листве

Перевалил за половину один из удушливо знойных дней конца лета. На вершине холма, от которого к северу и востоку ещё можно было увидеть редкие деревья, чаще растущие поодиночке, чем группами, а к западу начиналась лишь раскалённая солнцем равнина, стоял совсем ещё молоденький юноша. Правой рукой своей он опирался на дротик с наконечником из кремня. На худое по-мальчишески тело была надета кожаная безрукавка, украшенная цветными узорами; штаны его, сшитые из шкуры оленя, были перетянуты на бедрах кожаным поясом, за который была заткнута небольшая палица из крепкого дуба, с торчащими из верхней утолщённой части кремниевыми шипами; обут же он был в сапоги, кожаные внизу и с голенищами из шкуры рыси. Волосы его длинные, достающие до плеч, были черны и заплетались у висков в две косички.

Юноша стоял и смотрел на запад, на горизонт, теряющийся в знойном мареве. Он стоял уже очень долгое время. Неподвижная поза его говорила о терпеливом ожидании, а лицо и чёрные глаза выражали великую надежду и вместе с тем великую тревогу. Лишь сухая степь простиралась перед ним, голая, казавшаяся безжизненной...

Вдруг он услышал позади себя приближающиеся шаги и, оборачиваясь, услышал своё имя.

Это была женщина в длинном, до пят, одеянии, ярко украшенном разноцветными узорами и бахромой. Седые волосы её обвивала синяя лента со знаками её рода, а три собачьих хвоста, свешивающихся с её левого плеча на грудь, говорили о том, что она – одна из матерей Выслеживающих Псов, разведчиков и дозорных племени.

– Длинноволосый, твои ожидания напрасны. Шестой день уже проходит. Мои храбрые сыновья не вернутся из выжженной земли. – В голосе её прозвучала печаль. Но она не поддавалась чувствам и, лишь раз окинув западный горизонт взглядом, продолжила: – Идём, Длинноволосый.

Ослушаться мать нельзя и юноша не посмел даже возразить: если она говорит идти за ней, значит так нужно, и, притом, не ей самой – матери заботятся обо всём племени. Длинноволосый, не сказав ни слова, пошёл за ней, продолжая, правда, оглядываться, побуждаемый надеждой увидеть возвращающихся, тех, кого все так ждали...

И вот они спустились уже с холма и направились к селению, расположенному в небольшой рощице из огромных тополей; а бескрайняя равнина, оставшаяся за холмом позади них, изнывала под знойным солнцем...

В памяти людей живы были ещё предания о предках, живших у Светлой Воды, и об их умении строить дома прочные, срубленные из отёсанных брёвен. Но поколения, прошедшие свои жизни в вечных скитаниях, утратили это умение, и сейчас в селении, в которое вошли Длинноволосый и Осенняя Луна (так звали женщину, забравшую его с холма), жилища были сделаны из жердей, крытых переплетённой травой и корой деревьев.

У северной окраины поселения была небольшая поляна, очищенная от сора и очень ровная. Именно туда Осенняя Луна вела Длинноволосого. На поляну ту не заходили просто так. Там нельзя было ничего говорить – это было место слушания. Лишь владеющие речью духа могли произносить там слова, и это всегда были слова силы. И само это место священное было исполнено силы. Рядом, не переступая черты, укрывшись в тени ветвей сосны огромных размеров, ждал Бегущий За Ветром, тоже ещё юноша, одного возраста с Длинноволосым. Они вдвоём были единственными Выслеживающими Собаками, оставшимися в селении. Длинноволосый начал понимать, что будет дальше. И заметил он, что и Бегущий За Ветром волнуется тоже.

Женщина, являющаяся старшей их матерью, вошла на священную поляну; дойдя до её середины, остановилась, развела медленно руки в стороны, ладонями вверх, и, закрыв глаза, замерла бездвижно, вслушиваясь. Бегущий За Ветром и Длинноволосый стояли, за пределами круга, и ждали, не шелохнувшись. Смолкали постепенно птицы в ветвях деревьев, подевались куда-то насекомые – не стало слышно жужжания мух и трескотни кузнечиков, и со стороны селения перестали раздаваться голоса людей и лай собак. Воцарилась тишина вокруг. Но остался загадочный, едва уловимый, шелест в листве деревьев, окружающих поляну священную... шелест, шепчущий о тайнах. Долго-долго не было ничего. И вот, когда уже воздух стал казаться вязким и тяжёлым, Осенняя Луна, преображённая неуловимо, опустила руки. Повернулась медленно в сторону братьев. Вся она словно сияла, и казалось замороженным юношам, что глаза её пронизывают их насквозь.

– Там, вдали, в открытых равнинах, случилось что-то. Я слышала это в Ночной Песне. Судьба нашего народа изменилась. Юный воин проведёт нас в степи, и старейшие решили, что это будет один из моих сыновей. Но только сейчас, здесь, на этом месте, я услышала, что это ты, Длинноволосый. Безлесная равнина – не место для людей, но ты найдёшь что-то, что позволит нам остаться там. И ты должен идти один, таков был шёпот духов. Бегущий За Ветром остаётся. Солнце спускается к закату, завершая день, но ты, Длинноволосый, отправляешься прямо сейчас, с этого священного места. Будь сильным, Длинноволосый, смотри зорко и вслушивайся чутко, раскрой сердце повелителям Степи, не поддаваясь страху. И ничего не бойся.

Вот так, в слышании Осенней Луны, явилось Длинноволосому его избрание...

2. Поиск

Он – из Выслеживающих Собак, и сейчас – его время. За его спиной лук и запас стрел, а также котомка с едой; за поясом палица, и в руке дротик. Сложнейшее деяние ему предстоит – поиск в открытой равнине, враждебной и чуждой, полной неведомого. Длинноволосому не было страшно, хотя и выходил он один в этот поиск. В заботе о племени не может он отдавать силу страху. Ему нельзя оглядываться назад, и не только оглядываться, но даже и думать об оставленном позади. Головной Волк, отец Выслеживающих, научил своих сыновей действовать, не думая ни о чём и не поддаваясь никаким эмоциям. Когда они в поиске или в дозоре все силы внутреннего огня их – только восприятию: обонянию, зрению, слуху, и, самое главное, чутью. Ничего – словам, мыслям и эмоциям, ведь любые из них отвлекают, уводят от действительности, а это – даже на краткий миг – недопустимо для выслеживающего или сторожевого. И общение их, и в поиске и дозоре, происходит лишь посредством сигналов и знаков, зрительных и голосовых, но не словесных. Рука, принявшая определённое положение, особый посвист или движение глаз скажут больше, чем целая фраза, а кроме того, не раскроют их врагу или добыче. Теперь он в стране снов, Головной Волк, а был он одним из мудрейших вождей, его мнение редко оспаривалось. Похоже, что учение его осталось лишь в сердцах Длинноволосого и Бегущего За Ветром, если не вернутся четверо старших братьев, ушедших на запад несколько дней назад. Если они не вернутся, и если не суждено вернуться Длинноволосому, то единственная надежда народа Светлой Воды – Бегущий За Ветром.

Ну, вот и всё: Длинноволосый перешагнул ручеёк, обозначенный им для себя как переход к тишине действия. Теперь – только восприятие...

Направление – навстречу чуть заметному движению воздуха – выбралось на юго-запад, прямо к заходящему солнцу... Облака сгущаются...

В высохшей траве – шуршание мелкой живности...

Темнело... Осторожная поступь Длинноволосого замедлилась...

На поясе его висел мешочек с амулетами и дарами духов; остановившись, он развязал шнурок, стягивающий горловину мешочка, и просунул пальцы внутрь. Достал оттуда высушенную лапку совы с острыми, скрюченными когтями, выглядевшими зловеще – дар сил ночи и сумерек. Мудрость сумерек, исходящая от духа совы, живущего в амулете, имела для Длинноволосого важное значение, ведь начался его поиск на исходе дня, когда солнце уже начало путь свой за край мира. И знал этот юноша, воспитанный Волчьим Вожаком, что нужно ему будет мужество особое – не упорство и сила твёрдая, необходимая лишь в свете дня, под сиянием солнца, но упорство и сила податливая – лишь гибкость способна удержать на пути выслеживателя в сумерках и в ночи...

Издаലെка, со стороны левой руки, раздался рёв какого-то зверя. Длинноволосый присел, затаился, схватив дротик обеими руками и приготовившись к схватке. Привстав, чтобы голова оказалась на уровне верхушек травы, юноша выжидал долгое время, но ничего не происходило. Поднялся во весь рост, осмотрелся. На юге, далеко, так, что еле видно было, облачко пыли. Где-то там должна быть и большая река, рассказывал когда-то Головной Волк...

Солнечный диск коснулся горизонта...

Длинноволосый спустился в низину, поросшую кустарником. Здесь же была и вода. Юноша высек огонь и развёл костёр, заготовив хвороста на всю ночь. Хоть и не был голоден,

поел из запасов, которых должно хватить дней на пять. И долго потом лежал на спине, отдыхая, глядя в темнеющее небо...

Появились звёзды, но уставший юноша уже не видел их: сегодня он быстро нашёл путь в страну снов...

К утру похолодало, так, что юноша проснулся, продрогнув, задолго до рассвета. Подсел к огню вплотную, подложив в костёр весь оставшийся хворост. Костёр догорал, но Длинноволосый уже согрелся.

Надо идти.

Направление не изменилось... Двигаясь на юго-запад, к бескрайним равнинам, выбрался из низины, приютившей его ночью. Небо посветлело, и вскоре показалось солнце. Тепло начинающегося дня согревает. По влажной траве шаги беззвучны, но влага эта уходит с всё большим увеличением дневного тепла и света. Небо, обещая ещё один жаркий день, прозрачно: ни единого облачка.

Роса высохла... Становится жарко...

Чувство одиночества и незащитности в открытой степи угнетает, заставляет искать убежище, хоть какое-то укрытие. Но равнина вокруг открыта, делая человека уязвимым; и не раз, с тех пор, как пересёк вчера рубежный ручей, слышал уже Длинноволосый вой волков, а также и неизвестных ему зверей, представляющихся огромными и свирепыми, судя по рёву, потрясшему степь. И никакого убежища, ни малейшего перелеска до самого горизонта – если и виделись иногда деревья, то только одиноко стоящие, такие же, как и юный выслеживатель, сохраняющий бодрость духа лишь выполнением задачи своей – поиском – единственным, что могло отрешённо, без отчаянья, вести его разум в одиночестве сквозь эту угрожающую открытость.

Полдень... Выжженная земля. Ничего не видно в обозримой дали...

Усталость чувствуется в ногах, ступающих осторожно...

Маленький ручёк, почти скрытый от взоров травой и листвой – подходящее место для короткого отдыха. Юноша опустился перед ним на одно колено, рукой расчистил поверхность воды от листьев.

– Наши пути пересеклись, Бегущая Вода. Я – Выслеживающий Пёс, моё имя – Длинноволосый, из детей Светлой Воды, твоей родственницы.

Юноша смочил лицо прохладной водой. Где-то квакнула лягушка.

– Ты утолишь мою жажду, Бегущая Вода, и я благодарен тебе за это.

С наслаждением напившись, Длинноволосый сел и наскоро перекусил, достав из сумы сушёное мясо.

Встал, отдохнувший, и долго всматривался в небо, пытаясь разглядеть что-то в синей бесконечности. Знаков не было: предстоит продолжать путь в направлении, выбранном вчера.

Миновало ещё два дня, в безмолвии своём не изменивших направления пути Длинноволосого...

Солнце начинало спускаться к западу. Взобравшись на высокий холм и оглядывая горизонт, Длинноволосый увидел вдруг на западе облачко пыли, как видел и вчера; значит, это табун туров или лошадей, но не разобрать ещё – далеко слишком. Вчера табун был на юге, и если это тот же табун, то передвигается он слишком быстро. Быстроногие лошади? Или дру-

гой табун туров, не тот, что вчера? Если лошади, то следует забыть о них, неуловимых созданиях. Если туры, да ещё и не один табун, то охотников ждёт здесь удача. Необходимо выяснить как можно скорее, что за животные подняли эту тучу пыли. Продолжая выбранный путь, Длинноволосый должен в скором времени пересечь их следы и сможет узнать точно. Но сколько времени на это уйдёт? И где уже будет тогда этот табун? Если же идти прямо за ним? Туров ещё можно догнать, но за лошадьми ему не угнаться.

Сзади раздался крик неизвестной птицы, странный и (привлекающий?) ... захватывающий. Повернувшись всем телом туда, как учил Головной Волк, юноша замер, ожидая. Впереди, на восточном склоне, раздалось шуршание: то ящерица проскользнула промеж камней, и покатился один из них вниз. А далеко-далеко, над восточным горизонтом, висело чистое облако с правильными, не рваными, краями. И знал уже Длинноволосый, стоящий на вершине высокого холма, что надо идти туда, на восток, забыв о манящем табуне на западе. Направление внушало страх: с начала лета Выслеживающие два раза уже уходили туда по двое, и ни один из них не вернулся. А он идёт в одиночку.

Длинноволосый сел, положив копьё своё рядом. Из мешочка с амулетами достал круглый камень с отверстием посередине: – камень со Светлой Воды, сильнейший талисман, защитник рода. Наилучший предмет, чтобы отметить перемену направления, отблагодарив за указание. Держа его в руке, Длинноволосый начал ощущать покой, что-то вроде окутывающей его влажности и свежести: камень этот был водяным защитником. Но, проникнувшись его воздействием, Длинноволосый постепенно осознал, что предмет этот, здесь, на этом возвышенном холме не найдёт своего положения, что приведёт к противодействию местных сил. А это – грубейшее нарушение заветов, непочтительность и пренебрежение к местным духам. Ведь камень Светлой Воды, рождённый и обретший силу в водных низинах, пропитан свойствами воды и земли, силами низа. Здесь же, на вершине холма, владычествовали силы верха, наполняющие ощущением парения, вызывающие желание полёта, зовущие к небу, в синеву безграничную.

И всё стало ясно, как полная луна в безоблачную ночь – Длинноволосый убрал камень в мешочек и достал оттуда перо орла, Выслеживатель Видений, драгоценный дар из мира снов, дающий силу полёта. Подержав его в руке, юноша раскрыл ладонь... И взмыло перо, подхваченное лёгким дуновением, прямо вверх, кружась медленно-медленно... Подношение Силе свершилось...

Долго ещё сидел он, одинокий разведчик, на вершине высокого холма посреди степи, отбрасывая тень свою на восток, и слушая внутренним слухом зарождающуюся песнь. Затем, наполнившись новым направлением, вытянул левую руку вперёд, к белому облаку: «Длинноволосый идёт».

Ещё одну ночь Длинноволосый провёл в пологой впадине, давно пересохшем русле водного потока. Лишь трава высохшая, и никакого хвороста вокруг – костра он так и не развёл в эту ночь. Воды тоже не было, но недавно довелось пересечь ручеёк, почти незаметный, так что Длинноволосый не испытывал жажды, напившись заблаговременно. Сон его был очень чутким, ведь без огня он был совсем незащищён. Но и эта ночь прошла спокойно.

Тревожное чувство разбудило его на рассвете. Где-то угроза неведомая таится. Ещё раньше, чем открыл глаза, юноша сжал ладонь, обхватив крепко древко копья, готовый к схватке с неизвестной опасностью. Осмотрелся, не двигаясь, но левой рукой нащупывая палицу, лежащую тут же, рядом. Сжав её рукоять, стал выжидать, бесшумный и неподвижный в зарождающемся рассвете. Не видно ничего угрожающего, и не слышно в предрассветной тишине, но ощущение опасности, чувство, разбудившее мгновенно, не покидало. Полностью отдавшись ему, как взрослый опытный выслеживатель, Длинноволосый прикрыл глаза и затаил дыхание, и понял, что исходит оно со стороны левой руки. Очень медленно он повернул голову в ту сторону и стал изучать восточный склон впадины, на дне которой находился. Сухая глина

и пыль, лишь кое-где пучки травы. А наверху, где склон заканчивался, травы больше. Вон та шапка ковыли, не отличимая, казалось, от множества таких же, привлекла взгляд Длинноволосого. Что-то с ней не так. Да, это оно и есть: в жёлтом пятне стебельков, пышном и воздушном, проглядываются два треугольничка. И это – острые уши рыси, мгновенно учуявшей, что она обнаружена. Кошка медленно подняла голову и стала смотреть на человека открыто. Нет, это не рысь: слишком велика и нет кисточек на кончиках ушей. Таких больших кошек Длинноволосый не видел никогда, и, похоже, может она добраться до него одним прыжком с вершины склона. Он, не отводя взгляда от зверя, стал приподниматься, медленно-медленно. Замер, пригнувшись, опершись правым коленом о землю, готовый к схватке: в правой руке копьё, направлено на зверя, в левой – палица, готовая разить яростно. Но зверь не нападал. Возможно, он впервые видел человека. Затем кошка повернулась и ушла, не оглядываясь. Скорее всего, эта ложбина была местом её охоты, но сегодня здесь оказался человек – а он слишком велик и не годится ей в добычу. Длинноволосый поднялся на ноги и осмотрелся: похоже, здесь могут водиться зайцы, дичь для этой охотницы.

Пора продолжать путь. Он взобрался по склону, туда, где наблюдала за ним кошка. Теперь её не видно уже. Рассвет манил светлеющим небом и зарождающимся днём.

Поднялось солнце.

Воздух был чист, и виделось на огромные расстояния – и это было захватывающе необычно для юноши, который вырос в лесах севера. Вперёд, на восток, лежала открытая равнина, огромная, не имеющая, казалось, конца.

Три дня Длинноволосый шёл по ней, пристально всматриваясь, изучая горизонт до боли в глазах.

И вот однажды... Длинноволосому показалось, что он увидел... Что там? Что мельтешит тёмным пятном в пылающей от зноя размытой дали? Не разобрать ещё... но, похоже, что это лес. Сердце юноши забило сильнее, исполненное надежды. К концу дня он сможет разглядеть яснее, но сегодня, всё же, ему ещё не добраться туда. Шаги Длинноволосого, чей поиск, наконец-то, обрёл осознаваемую цель, стали увереннее и быстрее. Теперь он спешил.

В течение этого дня, пока Длинноволосый преодолевал просторы равнины в пути на восток, окружающая степь менялась. Перемена же была в том, что трава становилась выше – местами верхушки её уже доходили Длинноволосому до пояса. Но дождей не было давно, и она уже не была зелёной, высохла, окрасив степь в унылый бурый цвет.

На исходе дня Длинноволосому удалось подстрелить дичь. Это была огромная птица, в половину его роста и, похоже, летать она не могла: слишком малы были её крылья. Случилось это когда юноша отдыхал после дневного перехода под палящим солнцем, сидя, скрестив ноги, в высокой траве, скрывшей его с головой, наслаждаясь начинающейся вечерней прохладой. Иногда он приподнимался, осторожно, не выпрямляясь полностью, лишь настолько, чтобы глаза были чуть выше верхушек высохшей травы, и всматривался внимательно, и чутко вслушивался, изучая обстановку вокруг своего убежища. И вот он увидел: там, где трава низкая, движется кто-то. Голова на длинной, тонкой шее... с клювом? Что за странная птица? Двигается, не опуская головы и не прячась, в его сторону. Ещё не заметила человека, иначе без труда убежала бы от него на своих длинных, сильных ногах. Впервые видел Длинноволосый такую птицу. Она уже подошла близко к зарослям, где таился юноша – видимо, эти заросли скрывали её гнездо и она возвращалась на ночлег. Ветра не было. А юноша изготавился уже, замерев в бездвижном ожидании: лук в руке и стрела заправлена, глаза прикрыты в узкие щёлочки, не испускающие блеска.

Затаив дыхание, Длинноволосый отринул все мысли и предвкушение удачного выстрела. Обратив все чувства к земле под собою, проникнувшись её теплом, выслеживатель, воспитан-

ный Головным Волком, с медленным вдохом бесшумным начал вбирать её силу. Выдохом, так же медленным и бесшумным, он наполнял этой силой лук и тетиву – не стрелу, иначе птица учует угрозу, исходящую из её наконечника, готовящегося к выстрелу.

Вот птица вышла уже на открытое место... и ведёт себя осторожнее. Но это её обычное поведение при подходе к зарослям – быть готовой к мгновенному бегству от возможно затаившегося там врага. И не в чём Головному Волку было бы упрекнуть Длинноволосого: – птица, внимательно всматривающаяся в высокую траву, не заметила опасности, не почуяла угрозы. Вдох, наполнивший силой, поднимающейся из земли... мгновение пустоты... пальцы выпустили тетиву... Свист летящей, несущей смерть, стрелы...

Что за охота... – дар и благоволение духов степи, и Длинноволосый принял его с благодарностью...

А на следующий день, когда солнце поднялось высоко, Длинноволосый поднялся на высокий холм, возвышающийся одиноко посреди знойной равнины, и увидел: впереди – и не так уже далеко – обширным тёмным пятном раскинулся лес, настоящий, занимающий большие пространства, и зеленью манящей радующий взор. И иногда за его расступающимися чащами проблескивало зеркало водной поверхности, наводящее на мысли об огромном озере. А вокруг – всё та же бескрайность степи, открытая голая равнина, сливающаяся в мареве с горизонтом...

3. Шепчущее озеро

Крадущийся Лис, последний охотник племени Чёрного полоза, умирает. Зубр, убивший его, лежит поблизости громадою исполинской, даже в смерти источая величие необузданное. Лужа крови растекается под ним, хозяином степей, а из звериного горла его, прекратившего уже хрипы издыхающие, торчит обломок копья Крадущегося Лиса. Короткой, но неистово яростной была эта битва, прервавшая жизненный путь их обоих. И он, великий охотник, последний из Волков, уходит тропой тумана; и ждут его уже тени ушедших прежде.

«Путь мой, Крадущегося Лиса, закончен... Тропа последняя передо мной... и слух открыт для её зова...»

Жизнь его подошла к завершению: – владыки судеб решили, что произойти это должно здесь, на этом высохшем лугу у Шепчущего озера, в начале знойного дня конца лета. Хорошие место и время для завершения, и Крадущийся Лис благодарен, что умер он, как и жил – охотником великим, добывшим в последний свой день столь великого зверя.

«Сразил я в одиночку самого Степного Великана, зверя достойного... Бесстрашным и отважным я был всегда, Волк добывающий. Пока ходил я на добычу, мой род не голодал, не знал нужды... И вправду я ждать от них, остающихся, достойные дары Крадущемуся Лису удачливому».

Народ его оставался теперь без последнего своего охотника. Несколько женщин, малые дети, и два старика – это все, кто остался от детей Чёрного Полоза. Сумеют ли они этой осенью запастись достаточно припасов к зиме – не могло уже быть подвластным заботам Крадущегося Лиса. И поэтому не беспокоила его мысль о них – ведь он не в силах уже влиять на пути остающихся.

В тумане, окутывающем его неотвратимо, начали появляться искры сверкающие – слабые ещё, похожие на те, что поднимаются из затухающего уже костра... но постепенно усиливающиеся. И становится их всё больше...

«И это мой истинный дух... Чёрный Полоз, отец наш в вечности, услышь меня, услышь песнь моей жизни. Достойным сыном твоим был Крадущийся Лис».

Медленно, но неотвратимо, сверканье искр, окутавших его с духом тумана, блекнет, растворяясь во всё более проясняющемся свечении белом – ярком, но не ослепляющем... очищающим забвением... И слышим уже зов из страны волшебной, запредельной... скрываемой туманом светящимся...

«Я иду... без страха... не оглянусь назад с печалью расставания... Прямо и радостно буду идти, очищаясь в духе...»

И не страшны ему, Волку отважному, Псы сумрака, рыскающие в злобе. Рука его тверда, сжимает крепко боевой топор. Сразит он Псов, как всех врагов разил. Сразит он птиц огненнокрылых, и не отвратить им, плюющимся чёрной кровью, его с тропы прямой...

Появилось справа чёрное нечто, смутным и тёмным пятном проступившее в тумане. Один из неперешедших, оставшийся тенью, не помнящей себя. Туман для таких не светел, и они не видят Огня.

«Рука моя тверда, имя моё, гордое в каждом из дней, – Крадущийся Лис, видящий тропу ясно».

Но эта тень... становясь отчётливей во взоре Крадущегося Лиса, начинает вызывать в нём сомнение. Стоит она твёрдо, осматриваясь вокруг с настороженностью, словно впервые в этом тумане. Изучает окружающее как охотник. Или разведчик? В руке дротик, за спиной лук и стрелы, за поясом палица боевая... Что высматривает он в окружающем? Похоже, что видит он не туман... Ноги его сокрыты травой, а вокруг... Крадущийся Лис начинает осознавать, что вокруг такая же трава, и над нею синее небо, а свет, захвативший его – солнце на этом небе.

И это юный охотник стоит здесь, иноплеменник на берегах Шепчущего озера. И нет более тумана, ... Крадущийся Лис не ушёл – его остановил, зачем-то, этот пришелец неведомый.

В чём замысел духов всезнающих? Почему остановили они Крадущегося Лиса у самой тропы, поставив на пути его этого иноземца? Он должен понять это послание – всё это происходит по воле владык, и Крадущемуся Лису необходимо следовать ей, иначе путь его останется незавершённым, неисполненным. И Крадущийся Лис, отринув боль вернувшуюся, огнём сжигающую его, смотрит глазами и внутренним оком пристально, слушает ушами и внутренним слухом безмолвно, внимает забвенно всей чуткостью сердца своего отрешённого и духа своего успокоенного. Он ждёт...

Пришелец из стороны неведомой насторожен: собранно спокойно стоит на месте, изучая окружающее, осматриваясь внимательно по сторонам. Вот подошёл он к зубру убитому и, оглядев его тушу исполинскую, сказал что-то восхищённо удивлённое. Затем, повернув голову к Крадущемуся Лису, посмотрел на него уважительно, и направился к нему неторопливо, не выказывая враждебности или опасения. Приблизившись вплотную, опёрся о дротик своей гибкий и стал рассматривать израненного охотника, не предпринимая при этом никаких действий. Постояв так некоторое время, повернулся к озеру и зашагал в ту сторону, не оглядываясь.

В чём же суть была этой встречи странной? Крадущийся Лис стал ждать, собрав все силы духа своего утомлённого, – стараясь не открываться более внешнему туману, не поддаваясь зову из-за пределов снов. А сил уже так мало. И озеро рядом совсем, но не испытать ему воды его живительной...

А затем, по прошествии времени, длительному в неизменности безмолвия, ожидание Крадущегося Лиса завершилось. С севера, со стороны озера, шаги людей услышал он приближающихся: – шаги торопливые, быстрые...

Спокойная, безлунная ночь, сверкающая над землёй в тиши мерцания звёзд серебряных. Волшебное сияние их, обитающих в небесном мире, пронизывает всё и отражается переливами в водах озера, – столь великого, что и за день кругом не обойти. А на краю чащи, у самого берега, стоят в ряд несколько длинных хижин, из которых лишь в одной были люди.

Жилище это просторное освещалось маленьким костром, горящим в огороженном камнями круге, в самом центре строения. Невдалеке, окуриваемый дымом защитником, исходящим из небольших каменных чаш, лежит на медвежьей шкуре человек; – и видно, что он очень болен. Это израненный в схватке с зубром охотник, Крадущийся Лис, Волк добывающий народа Чёрного Полоза. Рядом сидят два старых человека, убелённые сединами долгой, продолжительной жизни; и вся она прошла на берегах Шепчущего Озера. А в дальнем конце жилища – дети, давно уснувшие уже, и несколько женщин, большинство из которых тоже спят.

– Полночь миновала, – сказал один из стариков своему товарищу. – Я думаю, Сказитель, что Крадущийся Лис теперь просто спит.

– Да, Чёрная Птица, и к утру он может уже и проснуться.

– Но на ноги он встанет не скоро. Раны его глубоки.

В хижину вошла женщина.

– Ты вернулась, Таящаяся Рысь? Что же сказала Неспящая? – спросил её Сказитель.

– Я не смогла её как следует понять. Она говорила о пересечении сил, и что мы должны быть наготове. Так, как был готов Крадущийся Лис, отдавший силу в нужное время. Говорила о пришествии Волка. Это, наверное, тот иноземец.

– Он скорее волчонок, чем волк... Что он делает сейчас?

– Сидит у воды. Всё так же.

Тот, о ком зашла речь, был странный пришелец, слишком молодой для вражеского разведчика. В конце дня появившись, неведомо откуда, в поселении их, он смог жестами быстро

и понятно объяснить, что у южного берега озера лежит раненый охотник их племени. Кем был он, из каких краёв явился, говорящий на неведомом языке? И почему он один?

– Никто никогда не слышал, чтобы на юге или на западе были люди, – сказал Чёрная Птица. – Но этот юноша явился оттуда, из открытой степи.

Сказитель сомневался.

– Думается мне, что Вернувший Лиса всё же из лесов. Но не из Медных Городов севера, и не из страны Укрима. Всё оружие его из камня, и сделано умело вполне и искусно.

Таящаяся Рысь подбросила дров в огонь и присоединилась к остальным женщинам, – и сразу же улеглась там, готовясь отойти ко сну.

Старики замолчали. Крадущийся Лис был совершенно бездвижен, и дыхание его было слабым. Тишина в длинной хижине нарушалась лишь потрескиванием углей в очаге.

А снаружи, под сверкающим звёздами небом, в тихой, сказочной ночи, сидел у воды Длинноволосый. Он был очарован красою столь огромного озера, вытянутого в длину с севера на юг на очень большое расстояние. Удачен его поиск – нашёл он прекраснейший край, годный для переселения народа Светлой Воды – но ещё не завершён он, и рано ему возвращаться.

Утомлён был Длинноволосый, совершивший многодневный переход по открытой равнине. Но утомление это не дало ему покоя: – и причиной тому то, что воздействие духов этого места не позволило ему завершить поиск благодарением. Ещё на закате, когда хотел он опустить камень Светлой Воды в воды этого озера, волнами ласково шепчущего, окликнула его женщина, из местных хозяек, принеся ему еды. В самом действии духа прервала она его, не позволив свершить подношение, завершающее поиск. Возможно, это оттого, что он не попросил у этих людей дозволения на то, чтобы привести сородичей своих. Но ведь озеро огромно, и вокруг множество лесов, способных прокормить не одно племя. И стало ему, Длинноволосому, казаться, что подношение следует сделать не озеру, а этим людям: действия той женщины привели его к этому пониманию. Может, эти люди – выразители духа этого озера? Сколько же поколений прожили они здесь, чтобы так слиться с этим благословенным местом? Заметил он, что очень мало было здесь этих людей, гораздо меньше, чем могли бы вместить их жилища, которые в большинстве своём стояли необитаемые. Но, хоть и были они заброшены, всё же не имели следов разрушения, а значит не было вторжения врагов. А ведь, судя по всему, когда-то здесь было большое поселение многочисленного племени. Что за беда, какое страшное несчастье случилось с этим приозёрным народом? Скорее всего, злые духи чёрной, смертоносной болезни свирепствовали в этом краю, казавшимся таким благоденствующим в своё время. И народу этому не возродиться уже более: слишком мало их, а мужчин, не считая того раненного охотника, так и вовсе нет. Сородичи Длинноволосого, люди Светлой Воды, тоже в бедствующем положении, на грани исчезновения в ближайшем будущем. И, может быть, объединение этих двух народов даст им обоим возможность выживания, а затем и развития? Ведь страна эта, отделённая от северных лесов степными просторами пустынными, надёжно защищена от вражеских нашествий, и словно создана специально для мирного существования. Объединение же местного племени и племени Светлой Воды зависит от Длинноволосого, и если суждено этому свершиться волею Матери Земли, то значит он, Длинноволосый, является проводником изначальных сил, избравшим его в вершители. Какая выдающаяся ответственность, требующая тончайшего равновесия и совершенной ясности. Чистейший свет в колыпании волшебного потока проявления...

Пока же он должен ждать. Ждать и слушать...

И сейчас, в спокойной, тихой ночи, сидел Длинноволосый бездвижно и безмолвно у самого берега озера. Хотя и знал он, что это опасно: нельзя в темноте всматриваться и вслушиваться в воду.

Когда же миновала полночь, улёгся Длинноволосый спать далее от озера – под сенью раскидистой берёзы, завернувшись в предложенную ему ранее оленью шкуру.

А вокруг, в волшебной ночи, в дрожании вечном и переплетении сил изначальных, назревает что-то...

И скоро уже в предрассветную мглу выйдет на охоту волк, движимый неведомым. И скоро уже будет новая заря, и озарит она землю новым светом, который изменит собою всё. Великие перемены начались уже в звенящем неощутимо безмолвии. Пути человека, волка и лошади соединились уже в месте, предназначенном изменить весь мир.

Пока же безмолвие ещё не нарушалось ничем, но... шум степного ветра горячего, яростно обдувающего лицо, ощущение невиданной быстроты и скорости, и ещё что-то, восхищающее совершенной новизной, беспокоили сон Длинноволосого, тревожа его, но не внушая страха.

А звёзды восточного края неба тускнели понемногу, растворяясь в еле заметном поначалу, но неотвратимо проясняющемся свете новой зари...

И наступила вскоре эта новая заря, осветившая незримые доселе пути...

4. Волшебный рассвет

В ночной степи, дремлющей в предрассветной тишине, раскинулся сосновый перелесок, глубины которого были сокрыты непроглядной тьмою. Беззвучно пролетела в темноте тень невидимая меж стволами сосен, и внизу, у корней дерева, сверкнули два огонька красных. Это глаза волка открылись, учувшего полёт бесшумной совы. Но не эта ночная охотница встревожила его; – разве обращал он, когда либо, внимание на птиц?

Вокруг, в темноте непроглядной, происходит что-то, неуловимо тонкое. Настолько тонкое, что и острейшим волчьим чутьём не ухватить. И всё вокруг так, как и должно быть, но... Отчего ему хочется выть, как в зимнюю ночь полнолуния, сливаясь в одиночестве бесконечном с поднебесной пустотой? Что собирается там, на востоке, чтобы проявиться с наступлением света? Волк ждёт терпеливо: то, что назревает – случится; и надо быть наготове. Продолжая лежать неподвижно, с прикрытыми глазами, он внимательно слушает.

Ночь завершается...

А потом, когда острые глаза его стали различать стволы деревьев на самом конце перелеска, время настало... Волк – очень крупный, настоящий богатырь своего племени – бесшумно поднялся на четыре лапы, потянулся, растягивая тщательно каждую часть своего упругого тела, и задрал морду кверху, приюхиваясь. Надо идти в низину, за туманом которой скрывается озеро. И это будет не охота: цела ещё туша лани, задранной прошлой ночью. Прищурив глаза по привычке, и сверкнув ими во тьме перелеска, отправился волк в путь свой, но не им самим выбранный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.